

4. Инструкция военным агентам и лицам их заменяющим от 5.08.1912 // Сергеев, Е. Не подлежит оглашению... / Е. Сергеев, А. Улунян. – М., 2003. – С. 449.
5. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 418. Оп. 1. Д. 3991, Д. 1417.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3284, Д. 4469, Д. 7447, Д. 5990.
7. Сергеев, Е. Не подлежит оглашению... / Е. Сергеев, А. Улунян. – М. Реалии-Пресс, 2003. – 480 с.
8. Böhme, K-R. Deutsch-schwedische Militärbeziehungen 1918-1932 / K-R. Böhme // Nicht nur Strindberg. – Stockholm, 1979. – S.160–173.

Жучкова С.В.

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ БЕЖЕНЦЕВ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 ГГ.)
В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ**

Первая мировая война повлияла на судьбы миллионов людей и вызвала значительные перемещения населения из прифронтовой полосы. В Российской империи, вступившей в войну на стороне Антанты, проблема беженцев затронула, в основном, население западных губерний. После Горлицкой операции (19 апреля – 9 июня 1915 г.) российское командование совершило стратегический отход из центральных районов Польши, что стало причиной массовой эвакуации населения. Ввиду сжатых сроков отступления организовать эвакуацию населения на ее начальном этапе было сложно, что вынудило власти прибегнуть к тактике «выжженной земли».

Военные и гражданские власти выселяли население, имущество и посевы были уничтожены, лошади и крупный рогатый скот реквизировались [25, с. 130]. Беженцами стали не только жители близлежащих белорусских уездов, но и польские крестьяне из Холмской и Люблинской губерний, выселенные в принудительном порядке военными властями. В июле 1915 г. на участке пути Кобрин-Пружаны-Барановичи находилось около 400 тыс. беженцев. С 31 июля по 15 августа 1915 г. из-под Кобрина вглубь страны было отправлено около 100 тыс. человек [24, с. 71]. Беженцы забирали с собой все, что можно было погрузить на воз, некоторые крестьяне продавали имущество. В многокилометровых составах беженцы везли продукты, одежду, зерно и сельхозинвентарь. За возами часто следовали одна или две коровы. Места для людей не было, поэтому даже старики и дети часто шли пешком. Часто имущество и крупный рогатый скот приходилось оставлять на железнодорожных станциях [1, с. 7].

Закон «Об обеспечении нужд беженцев» был принят лишь 30 августа 1915 г., его 1 статья гласила: «Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» [14, с. 2].

Проблема беженцев привлекла внимание многих исследователей, данная тема достаточно полно раскрыта как на общероссийском, так и на региональном уровне. Однако в связи с недостаточной источниковой базой история пребывания беженцев в Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии изучена скудно и рассматривалась с точки зрения взаимодействия органов государственной власти в статьях Е.А. Поповой и Н.А. Лукиных [20], Г.В. Рокиной [23], в электронном сборнике документов «Марийский край в годы Первой мировой войны» [21]. Некоторые источники личного происхождения по истории Первой мировой войны в Марийском крае приведены в статьях Л.Н. Комелиной [18] и А.Н. Кудрявцева [19].

В фондах Государственного архива Республики Марий Эл сохранился важный тип источников, позволяющий взглянуть на проблему беженцев глазами реальных людей – эго-документы. Под эго-документом в исследовании, пользуясь классификацией немецкого исследователя Винфреда Шульце, понимается историческое свидетельство, в том числе, которое писалось по требованию административных, судебных или финансовых органов, в которых можно «услышать» голос человека, рассказывающего о себе [15].

Исходя из этого, статья посвящена анализу эго-документов беженцев западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.), сохранившихся в фондах Государственного архива Республики Марий Эл. Автором статьи были поставлены задачи по выявлению эго-документов в архивных фондах, определению исторических условий создания, степени полноты, достоверности, субъективности источников, что позволит воссоздать условия жизни беженцев на территории Марийского края, как их увидели участники исторических событий. Территориальные рамки исследования обусловлены сохранностью документов и ограничены Царевококшайским и Козьмодемьянским уездами Казанской губернии.

Согласно регистрационным карточкам Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза, первые партии беженцев прибывали в Царевококшайск с 30 августа 1915 г. из Холмской и Гродненской губерний, встречаются единичные беженцы из Львовской, Виленской и других губерний [2].

На 22 сентября 1915 г. в Царевококшайский уезд прибыло 1230 беженцев и 137 голов скота, на пути следования находились 1685 человек и 551 голова скота [10]. Всего ожидалось около 5000 беженцев. Они были размещены в Царевококшайском городском училище, церковных сторожках при Соборной, Троицкой церквях, монастырской гостинице, в доме Булыгина, Чулкова, при земской больнице [20, с. 96].

На 1 января 1917 г. в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии было размещено 2782 беженца из Холмской, Львовской, Виленской и Витебской губерний [12].

Одним из наиболее информативных и массовых эго-документов в фондах Государственного архива Республики Марий Эл являются прошения в различные ведомства, что и определило их структуру:

- 1) обращение к адресату: «Его Превосходительству Господину Казанскому Губернатору»;
- 2) сведения о просителе (фамилия, имя, отчество, место жительства до эвакуации, место жительства во время эвакуации): «Беженцев, проживающих в деревне Березовой Вараксинской волости из крестьян Гродненской губ. Пружанского уезда Малецкой волости села Малец Семеона Стриж, Анастасии Карпинчук, Емельяна Лощик, Нины Шкилевич, Феклы Докучич, Софии Луцук и Домны Марчук»;
- 3) название обращения: «всепокорнейшее прошение»;
- 4) обстоятельства создания: «Получая пособие по расчетной книжке Царевококшайского уездного комитета Всероссийского союза городов, мы, просительницы, почему-то одновременно не были удовлетворены полностью продовольственной суммой одной выдачи за исключением двух возрастов семьи нашей, а затем нам не было выдано вовсе продовольственного пайка за два месяца, т.е. за июнь и сентябрь месяцы сего года. Все мы очень бедные и должны существовать исключительно на выдаваемое пособие, к тому же не получаем одежды, приостановлена выдача квартирных денег»;
- 5) содержание обращения: «Общая дороговизна довольствия в связи с недополучением пайка вынуждало нас обратиться с покорнейшей прозью Вашему превосходительству по сношении с Его Превосходительством Господином Гродненским Губернатором, местонахождение которого неизвестно нам, исходатайствовать выдачу нам одежды, по случаю зимнего времени, так же денежной выдачи на продовольствие, не отказать уведомлением»;
- 6) подпись: «Неграмотные Семен Стриж, Анастасия Карпинчук, Емельян Лощик, Нина Шкилевич, Фекла Докучич, София Лещук и Домна Марчук, а по прозье их расписался Илья Склович»;
- 7) дата составления прошения: «Ноября 16 дня 1916 года» [6].

Данный тип источников хранится в фондах:

Ф-124 – Царевококшайский уездный комитет Казанской губернии помощи беженцам Всероссийского земского союза больным и раненым воинам,

Ф-171 – Козьмодемьянский уездный комитет помощи беженцам Казанской губернии.

По форме авторства прошения были коллективные и индивидуальные, а по содержанию – прошения о помощи по различным жизненно важным вопросам (обеспечение питанием, пособием, одеждой, дровами, безработица).

Так, в коллективном прошении беженцев из села Седлиск волости Высокое Замостского уезда Холмской губернии, проживающих в деревне Савино Вараксинской волости в Царевококшайскую уездную земскую управу от 5 октября 1915 г. отмечена судьба населенного пункта, занятого врагом: «Мы пострадали в тысяча девятьсот четырнадцатом году от нашествия неприятеля и их разгрома, и от пожара нашей деревни, так как все у нас выгорело дотла. А оставшиеся дома в целости и невредимые, все из них было ограблено австрийскими войсками, и в том числе бы остались нагими и босыми, и просим Вашей милости снабдите нас теплой одеждой и обувью» [9].

Самой многочисленной проблемой, указанной в обращениях, стало обеспечение дровами, продовольствием, теплой одеждой, пособиями и пайком.

В письме Казанскому губернскому земскому комитету от 16 сентября 1915 г. председатель Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза П.В. Ящерицын указывал, что 12 000 рублей, отпущенные земским комитетом, израсходованы на организацию питательных пунктов для беженцев по Царевококшайскому и Кокшайскому трактам. На выдачу продовольственных пайков, топлива для 5000 беженцев финансирования не было: «Незначительная часть беженцев удовлетворена. Громадное число остается без продовольствия, нужна вопиющая, наступили холода. Голодные, холодные, в нетопленных избах беженцы толпами приходят из деревень, просят хлеба» [7].

Как следствие, в коллективном прошении беженцев, проживающих в деревнях Ятманово, Томшарово и Шуашнур, адресованному Холмскому губернатору от 10 ноября 1915 г. записано: «Настает время сильных холодов, но нам полагаемой от казны ничего не выдают на прокорм лошадей и на теплую одежду нас самих. [...] что касается тёплой одежды, мы ничего не получали до настоящего время, по чему нас очень затрудняет ходить по воле в такое холодное время, хотя просили мы распоряжения Господина Земского начальника 2-го участка Царевококшайского уезда по нам своевременного распоряжения не последовало. В виду вышеизложенного имеем честь покорней-

ше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о своевременной выдаче нам теплой одежды и накормить лошадей» [11].

Список необходимых теплых вещей приведен в прошении беженца Ильи Григорьевича Сорока из села Жапчи Потуржинской волости Томашевского уезда Холмской губернии в Царевококшайское уездное отделение Татьянинского комитета от 11 ноября 1916 г.: «Мне самому нужно: теплое пальто, шапку, рубашку, кальсоны, брюки и валеные сапоги, и варежки, сыновьям моим нужно то же самое, что и мне, а жене моей теплое пальто, платье, шаль, платок и варежки» [3].

Немаловажной проблемой среди беженцев была нехватка пособия на проживание. В прошении крестьянина Осипа Петровича Калиновского из деревни Лубинки Загудовской волости Белостокского уезда Гродненской губернии от 16 июля 1916 г. указаны траты на месяц: «За этот месяц я, Калиновский, получил только 7 руб. 50 коп. Обратите внимание, как же я буду жить на эти деньги цельной месяц. Из 7 руб. 50 коп. нужно отдать за квартиру 1 руб. 50 коп., дров нужно протопиться на 3 р., остается у меня на пропитание только 3 руб. Как же я могу питаться на цельной месяц на три рубля?» [13].

Действительно, в годы Первой мировой войны беженцы столкнулись с ростом цен на муку, мясо, керосин, спички. Для борьбы с повышением цен на предметы первой необходимости была создана Царевококшайская уездная комиссия, но и эта мера была недостаточной [20, с. 95].

Растущая безработица и невозможность трудоустройства указана в коллективном прошении беженцев, поселенных в д. Марковой Вараксинской волости Царевококшайского уезда, в Татьянинский комитет от 18 ноября 1916 г.: «Будь бы здесь заработки, каковы они бывают около фабрик, заводов, промышленных предприятий, сельско-хозяйственных экономий, то жить можно было бы, а здесь ничего этого нет и заработать что-либо нет возможности, когда как наступила зима, которая здесь бывает и сурова, и продолжительна. В такую зиму нужно много отопления, теплую одежду и более-менее питательную пищу» [5].

Для определения достоверности содержания прошения рассмотрим количество промышленных предприятий уездов, из которых прибыли беженцы, согласно регистрационным карточкам. По сравнению с Казанской губернией фабрично-заводская промышленность губерний, откуда прибыло большинство беженцев, достигла значительного развития [17, с. 29–69; 22, с. 9]:

Губерния	Уезд	Количество промышленных предприятий в 1913 г.
Холмская	Холмский	26
	Бельский	27
	Грубешовский	60
	Томашовский	12
Гродненская	Гродненский	381
	Пружанский	387
	Кобринский	579
	Бельский	482
	Слонимский	175

Население Холмской губернии было задействовано в кустарном, навозном и отхожем промыслах, часть населения находило заработки во время весенней навигации по Западному Бугу, Вепржу и Сану [17, с. 23]. Благодаря многочисленным фабрикам и заводам, железным дорогам, население Гродненской губернии без труда находило работу. Во время сбора хлебов и трав крестьяне могли дополнительно заработать в экономиях помещиков [22, с. 9].

В случае с Царевококшайском, на 1913 г. численность населения города составляла 2042 чел., в городе было лишь одно крупное промышленное предприятие – винокурный завод и 2 мелких [16, с. 233]. Первая мировая война отрицательно повлияла на развитие промышленности, на первый план вышли лесозаготовка и лесопиление, переведенные на нужды военной промышленности, но и здесь наблюдалось падение производства: в 1915 г. в Царевококшайском уезде было изготовлено около 3000 плотов, вместо обычных 4000 [16, с. 243].

Авторами прошений были крестьяне, проживающие в сельской местности Холмской, Гродненской губерний, в регистрационных карточках Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза их основным занятием было указано земледелие или хлебопашество. Находясь вдали от родных мест, беженцы были лишены возможности заработать, что определило их особый социальный статус.

Таким образом, анализ эго-документов беженцев западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в фондах Государственного архива Республики Марий Эл показал, что самым многочисленным видом стали прошения беженцев в различные ведомства, что было обусловлено историческими условиями создания документа.

Экстренная эвакуация населения, вызванная Великим отступлением Российской императорской армии 1915 г., повлекла за собой нехватку вещей, невозможность транспортировки сельско-

хозяйственного инвентаря, крупного рогатого скота и лошадей, поэтому беженцы были вынуждены истребовать предметы первой необходимости в местах проживания во время эвакуации.

Согласно архивным данным, на территории Марийского края было размещено около 8000 беженцев. Стоит заметить, что в масштабе Российской империи эта цифра довольно мала, но при этом перед местными властями встал острый вопрос по размещению и обеспечению беженцев продовольствием, теплыми вещами, пайком и пособием, что отражено в тематике прошений.

Авторами прошений стали семейные беженцы-крестьяне Холмской, Гродненской, Виленской и Витебской губерний, проживающие в Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии, основным занятием которых до эвакуации было земледелие, дополнительным – кустарные и отхожие промыслы.

По характеру авторства прошения можно разделить на единичные и коллективные, по месту обращения – в волостные, уездные или губернские ведомства. Прощения беженцев в канцелярии Холмской и Гродненского губернаторов свидетельствуют о том, что прошения были единственным возможным средством коммуникации с родными местами в надежде получить помощь.

Эго-документы беженцев западных губерний Российской империи в фондах Государственного архива Республики Марий Эл не только дополняют корпус источников по истории Первой Мировой войны, но и представляют интерес с точки зрения самостоятельного предмета исследования. Несмотря на их субъективность, достоверность и полнота прошений, как исторических источников, не вызывает сомнений.

1. Бежанства 1915 года. – Беласток, 2000. – 416 с.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). – Ф. 124. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1081.
3. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 66.
4. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 72.
5. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.
6. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 76.
7. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
8. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 155.
9. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
10. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
11. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 83–83 Об.
12. ГА РМЭ. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.
13. ГА РМЭ. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 Об.
14. Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1 / изд. Юрид. отд. Глав. комит. Всерос. союза городов. – 2-е изд., доп. – М., 1916. – 103 с.
15. Зарецкий, Ю. П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков [Электронный ресурс] / Ю. П. Зарецкий // Человек второго плана в истории. – 2007. – Режим доступа: <http://visantrop.rsuh.ru/article.html?id=1167089/>. – Дата доступа: 15.02.2023.
16. История Марийской АССР. – Т. I : С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Йошкар-Ола, 1986. – 327 с.
17. Каретников, С. М. Холмская губерния: географическо-исторический очерк / С. М. Каретников. – Лубны, 1913. – 220 с.
18. Комелина, Л. Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам музея истории города Йошкар-Олы) / Л. Н. Комелина // Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 126–136.
19. Кудрявцев, А. Н. «Покуда остаюсь жив и здоров. Того же вам желаю...». Солдатские письма Первой мировой войны в Царевококшайский уезд / А. Н. Кудрявцев // Марийский архивный ежегодник. – 2013. – С. 335–341.
20. Лукиных, Н. А. Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Марий Эл) / Н. А. Лукиных, Е. А. Попова // Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 92–103.
21. Марийский край в годы Первой Мировой войны. 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gosarhivme.ru/sites/default/files/exhibition/worldwar1/files/assets/basic-html/page5.html>. – Дата доступа: 15.02.2023.
22. Обзор Гродненской губернии за 1913 год. – Гродно, 1913. – 145 с.
23. Рокина, Г. В. Первая мировая война и Марийский край / Г. В. Рокина // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 149–153.
24. Саматя, В. Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны / В. Саматя // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 2. – С. 71–74.
25. Смольянинов, М. М. Беларусь в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – 415 с.

Твердюкова Е.Д.

ПРОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ О РОЗЫСКЕ ДЕТЕЙ, БЕЖАВШИХ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

История Первой мировой войны долгие годы не привлекала внимания российских исследователей, лишь в последние десятилетия сформировался устойчивый научный интерес к событиям тех лет, причем в широком контексте, включая повседневную жизнь «homo belli». Общепризнано, что вступление России в войну мобилизовало население, не исключая и детей всех сословий и возрастов. Современники отмечали, что «городские дети... окружены и взволнованы теми новыми чертами,